

Бразговская Елена Евгеньевна, Холманских Юлия Сергеевна

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НИЧТО: ДЖОН ВИЛМОТ И МЕТАФИЗИКА В ОБРАЗАХ

Статья посвящена проблемам языковой репрезентации метафизического объекта "Ничто". Показано, почему вопрос о существовании подобных абстракций перемещается в сферы семиотики, стилистики и поэтики: абстракция возникает как эффект языковых игр поэта. На материале текста Д. Вилмота "On Nothing" представлены способы и инструменты визуализации "Ничто": локализация с использованием дейктических и предикатных знаков, интертекстовые аллюзии, игра стилистическими регистрами и др. Иконический образ абстракции (икона-схема), которым поэт "дополняет" метафизику, позволяет получить относительный доступ в сферу вербально невыразимого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 41-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

HERO-BEAST IN CREATIVE WORK OF M. P. ARTSYBASHEV AS REPRESENTATION OF WRITER'S PARTICULAR INTEGRAL SYSTEM**Borisova Yana Igorevna***Lipetsk State Technical University
yanaskakova@yandex.ru*

The article gives a comprehensive view on the creative system of writer neo-naturalist M. P. Artsybashev. Within the article a particular type of a hero, which was created by the writer in the transitional era of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century is analyzed. The paper also covers the issue of M. P. Artsybashev's creative work perception as an integral system of classical literature heritage.

Key words and phrases: neo-naturalism; hero-beast; integrity; creative system; spontaneity; problem of sex.

УДК 8; 80:821.111; 111

Филологические науки

Статья посвящена проблемам языковой репрезентации метафизического объекта «Ничто». Показано, почему вопрос о существовании подобных абстракций перемещается в сферы семиотики, стилистики и поэтики: абстракция возникает как эффект языковых игр поэта. На материале текста Д. Вилмота «On Nothing» представлены способы и инструменты визуализации «Ничто»: локализация с использованием действительных и предикатных знаков, интертекстовые аллюзии, игра стилистическими регистрами и др. Иконический образ абстракции (икона-схема), которым поэт «дополняет» метафизику, позволяет получить относительный доступ в сферу вербально невыразимого.

Ключевые слова и фразы: абстрактный объект метафизики; репрезентация; языковые игры; иконизм; визуализация.

Бразговская Елена Евгеньевна, д. филол. н., доцент**Холманских Юлия Сергеевна***Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
elen_braz@rambler.ru; yuss1@yandex.ru***К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НИЧТО: ДЖОН ВИЛМОТ И МЕТАФИЗИКА В ОБРАЗАХ[©]***Несуществующие ангелы приобретают подобие плоти.**Михаил Ямпольский***Проблемная ситуация, исходные понятия и методология**

Современная философская метафизика определяет объекты своего анализа как «предельные» [3; 4; 6, с. 98; 19, с. 202]. За этой, казалось бы, метафорической номинацией стоит очень точная мысль. Такие сущности, как *Абсолют* или *Вечность*, принадлежат к сфере трансцендентного: не имея форм выражения в физической реальности, они находятся вне границ восприятия. *Ничто* – самая парадоксальная из метафизических абстракций. Отрицательная семантика префикса заставляет мыслить пустоту, отсутствие чего-либо. Возникает проблемный вопрос: как возможна эта когнитивная операция? Ведь, пребывая в *существующем* мире, человек не может представить, как выглядит *несуществование* [26].

Можно согласиться с тем, что в попытках представить и познать объекты метафизики человек приближается к пределу своих когнитивных возможностей. То же касается и языковой репрезентации абстрактных референтов. Любые попытки описать подобные сущности приводят к ситуации, где метафизика испытывает «ужас»: язык, достигнув границ отображения, «ломается», поскольку априорно «недостаточен», не пригоден для целей метафизики:

<...> nasze pytania z konieczności formułujemy w języku dla metafizycznych powodów nie zgotowanym [19, с. 202, 234]. / Наши понятия, как они формулируются в языке, *<...>* не достаточны для целей метафизики.

Отсюда, история метафизической философии и метафизической поэзии – это не что иное, как серия опытов по языковому отображению абстракций.

Предметом непосредственного анализа станут способы репрезентации *Ничто* в тексте английского поэта-метафизика Джона Вилмота «On Nothing» [29, р. 2171-2172]. В статье показано, что в раскрытии образа *Ничто* Вилмот интуитивно выходит на тот механизм визуально-образных репрезентаций, которым активно пользуется и современная философия. Метафора и нарратив – общие инструменты дискурсов философии и метафизической поэзии.

История понятия *Ничто* в европейской философии не входит в круг задач этой работы [2; 12; 14]. Это объясняется не только ограниченным объёмом статьи, но и желанием сосредоточить внимание на логико-семиотических проблемах репрезентации абстрактных объектов метафизики.

Вопрос об онтологическом статусе метафизического объекта *Ничто* будет рассматриваться, прежде всего, как семиотический. Философская интерпретация начинается с анализа семантики слова, замещающего абстракцию: что значит «ничто»? Здесь мы сразу же сталкиваемся с аксиомой семиотики: слово-знак обязательно нечто отображает, замещает, отсылает к внеязыковому референту. Вопрос о том, обладают ли референты знаков абстрактных объектов существованием, не включается в сферу интересов «традиционной» лингвистики. Напротив, современная семиотика (вслед за средневековыми философами-реалистами) говорит о невозможности изучать системы знаков, не обращаясь к тому, что же побуждает нас их производить: вне функций замещения и отображения знак перестаёт быть знаком [16, p. 12]. Может, именно отсюда убежденность польско-американского поэта и философского эссеиста Чеслава Милоша в реальности существования абстрактных объектов:

Plato i jego idee: na ziemi biegają i przemijają zające, lisy, konie, ale gdzieś tam w górze trwają wiecznie idee zajączości, lisowatości, koniowatości, wspólnie z ideą trójkąta i prawem Archimedesesa, których nie obali chaotyczna, skażona śmiercią empiria [22, s. 105]. / Платон и его идеи: по земле бегают и исчезают зайцы, лисицы, лошади, но где-то там наверху вечно существуют идеи зайцовства, лисицства, лошадства рядом с идеей треугольника и законом Архимеда, и их не опровергнет и не отменит хаотичная и обречённая на смерть эмпирия. (Здесь и далее перевод авторов – Е. Б., Ю. Х.)

Согласно Милошу, объекты, подобные *Ничто*, принадлежат «подкладке», или оборотной стороне мира, увидеть которую можно лишь после смерти:

*Kiedy umrę, zobaczę podszewkę świata.
Drugą stronę za ptakiem, górą i zachodem słońca* («Sens») [Ibidem, s. 344]. /
Когда умру, увижу подкладку мира,
Оборотную сторону его за птицей, горой и заходом солнца.

Семиотическое решение «вопроса о существовании» объединяет позиции философских реалистов и номиналистов. С точки зрения номинализма, абстрактные объекты «создаются» словом, дескрипцией, текстом: «рождаются» как результат языковых игр философов [18]. Но для реалистов сам факт присутствия в языке знака «подтверждает» существование того, что он замещает. Однако где именно существуют объекты, подобные *Ничто*? Мы обнаруживаем их в нашем сознании в виде текстов / текстовых фрагментов. По С. Лему, авторами абстракций являются два великих «творящих конструктора»: язык и культура: «Язык – автономный генератор метафизики, с его помощью можно предпринимать самые различные опыты, в том числе создания несуществующего» [5, с. 107].

Таким образом, далее мы будем исходить из того, что *Ничто* – это знак, чей референт (его образ) создаётся в пространстве культуры средствами языка и инструментов наррации:

Нельзя мыслить как Отсутствие, так и Присутствие, если они не превращены нами в знак [16, p. 12].

Но каков механизм возникновения этого образа в культуре? Для ответа на этот вопрос используется логический метод анализа языка, в рамках которого был разработан универсальный алгоритм отображения реальности: номинация объекта, осуществляемая как его одновременная предикация [8; 10; 11]. Имя вводит замещаемый объект в сферу мышления, предикат бытия – указывает на сам факт существования объекта в мире. Внешние и внутренние предикаты, приписываемые к имени абстракции, позволяют говорить о её отношении с другими объектами мира и свойствах, которыми она обладает. В ходе операции предикации создаётся «картина», иконический «образ» *Ничто*, который собирается, подобно мозаике, из отдельных смысловых блоков. В итоге *Ничто* получает определённую степень реальности в мире, подтверждая верность принципа *esse est percipi*: существовать – значит быть воспринимаемым. Итогом анализа станет ответ на вопрос, какие инструменты использует Вилмот для создания образа *Ничто* и насколько реалистично это представление.

Репрезентация *Ничто* как языковая игра

Несколько слов о поэте, одним из первых сделавшим «несуществование» предметом рефлексии. Джон Вилмот (*John Wilmot, 2nd Earl of Rochester*, 1647-1680 гг.) – поэт эпохи Реставрации, один из наиболее «закрытых» поэтов английской литературы. В истории культуры он остался как придворный остроумец и автор резких сатир и памфлетов на Карла II. Вилмот парадоксален: беззаботный аристократ, любящий жизнь во всех её проявлениях, и человеконенавистник, распутник и нежный муж, автор философско-поэтических опытов о Боге и человек, преданный анафеме как воплощение зла. Он тонкий лирик и метафизик из плеяды кембриджских неоплатоников, считавший, что философия и поэзия составляют единую сферу интеллектуально-чувственного познания. Загадкой остаётся не только его личность, но и истинный размер корпуса оставленных им текстов [13; 24; 25; 27; 28].

Дотекстовая интерпретация *Ничто* определяется языковой компетенцией читателя, объёмом его энциклопедических знаний. В данном случае, это ответы на вопросы: что значит слово «ничто», что я знаю о философии нигилизма, об истории этого понятия в европейской философии? Словарные статьи в толковых словарях и философских энциклопедиях – отправной пункт интерпретации. Приведём здесь лишь основные направления толкования этого слова / понятия в англоязычных философских словарях.

В рамках обыденной логики объект NOTHING есть отсутствие всех вещей (the non-existence of all things), отсутствие любой реальности [23, p. 265]. Это завораживающее и одновременно пугающее понятие, говорящее об абсолютной пустоте, вакууме, несуществовании. В итоге, мы имеем дело с пустой спекуляцией (nothing as empty speculation and a waste of time), тратя время на обнаружение несуществующих значений и бесконечные попытки ответить на вопрос о том, а существует ли *Ничто* [15, p. 211].

В рамках аналитической философии *Ничто* – это уже «что-то» (NOTHING, THE), обладающее существованием, хотя мы никогда не сможем оказаться с ним «лицом к лицу». По крайней мере, *Ничто* – это потенциал мира, мера его возможностей (the manifestation of things possible) [17, p. 433]. Согласно Ч. Пирсу, *Ничто* и *Несуществование* – это технические инструменты для описания действительности. Они подобны отрицательным числам: их существование описывается в модусе отрицательных значений [15, p. 211].

И философы языка, и семиотики сходятся в одном: употребляя слова с отрицательной семантикой, мы, на самом деле, производим утверждения о «существовании несуществования». Мы не в силах противостоять своему языку, который придал *Ничто* значение предмета и силой референциального указания зафиксировал его как нечто существующее. Высказывание с семантикой отрицания – это высказывание о некотором состоянии вещей [2, с. 28]. Язык не позволяет нам даже поставить вопрос о несуществовании *Ничто*. Поэтому «из пространства естественного языка метафизические термины выглядят бессмысленно» [7, с. 122].

Весь этот контекст рассуждений – лишь начальная точка, от которой отталкивается анализ способов художественной репрезентации *Ничто*. Для поэта (в большей степени, чем для философа) союзником мысли является визуализация. Он из *Ничто* создаёт нечто («присутствие отсутствия»), которое мы способны воспринимать, на которое можно эмоционально откликаться. Систематизируем языковые игры поэта, одновременно рассматривая их как возможности, которыми пользуется литература для актуализации абстракций.

1. **Локализация абстракции** – это операция введения абстрактного объекта в жизненное пространство поэта. Она предполагает необходимость написать *Ничто* в пространственно-временные координаты мира, то есть обеспечить абстрактному знаку референцию. Инструментами локализации выступают предикатные знаки, отображающие свойства объекта, и дейктические инструменты языка. Для утверждения реальности *Ничто* Вилмот использует бытийный предикат:

Nothing! <...> That hadst a Being ere the World was made <...> [29, p. 2171-2172]. /
Ничто! (Ты) обладало бытием, прежде чем этот мир был сотворён.

Из рук *Ничто*, или плодородной Пустоты (from fruitful Emptiness's Hand) возникло всё, что существует: сначала нечто (something straight begot), а потом великое единство сущего – Человек, Твари, Птицы, Огонь, Воздух и Земля (Snatch'd Men, Beasts, Birds, Fire, Air, and Land). И потому *Ничто* стало всеобщим атрибутом всех вещей мира (the general Attribute of all; with Form and Matter, Time and Place did join).

Вилмот актуализирует *Ничто*, приписывая ему те свойства, которые в языковом опыте читателя соотносятся с действиями и состояниями одушевленных существ. Оно **не страшится** конца (of Ending not afraid), **способно подкупать** Время (Time <...> brib'd by thee), но **не может унижить** Благочестие (from the Virtuous nothing tak'st away).

Поэт персонафицирует *Ничто*, утверждая, что оно обладает Ликом (Face), Чревом (*Womb*), Лоном (Bosom), что оно – Личность (Self) и что можно проследить его родословную (Line). В частности, *Ничто* **не одиноко**, поскольку в мире оно старший брат Тени (thou Elder Brother ev'n to Shade).

2. Сущностные характеристики *Ничто* выявляются через **включение знака в пространство синонимических и антонимических парадигм**. С каждым из вводимых синонимов (включая и контекстуальные) последовательно раскрывается веер значений абстракции: *Ничто* как Отрицание, Пустота, Тайна, Могущественная власть, истинный Источник Нечто (Nothing, Negative, Emptiness, Mystery, mighty Power sole Original of Something).

Противоречивость же сущности *Великого Ничто* показана через столкновение контекстуальных антонимов. Так, оно примитивно (primitive) и в этом смысле доступно для понимания, но одновременно безгранично (boundless) и непостижимо. Оно плодовито (fruitful), но при этом стремится поглотить всё сущее (hungry Womb), редуцировать мир до себя самого (reduced to thee).

3. В процесс актуализации абстрактного референта активно включается **игра стилистическими регистрами**. Сначала эта сущность рассматривается в рамках философско-теологического дискурса как универсальное метафизическое понятие: *Ничто*, существовавшее прежде сотворённого мира:

That hadst a Being ere the World was made.
Ничто как источник универсума, *Ничто*, давшее рождение *Нечто*, а потом всему сущему:
When primitive Nothing something straight begot,
Then all proceeded from the great united . . . What?
Something <...> [Ibidem].

Но разве *Ничто* не наблюдаемо? Вилмот видит его рядом с собой, в окружении короля, в заумных речах псевдофилософов. Почему же оно – исток всего сущего – позволяет глупости и пустоте править миром?

But Nothing, – why does Something still permit
That sacred Monarchs should at Council sit,
With Persons highly thought at best for Nothing fit [Ibidem]?

В рамках сатирического дискурса *Ничто* используется как инструмент обличения. *Ничто* – это оборотная сторона искренности французов (French Truth), доблести голландцев (Dutch Prowess), политики Британии

(British Policy), учёности ирландцев (Hibernian Learning), вежливости шотландцев (Scotch Civility), расторопности испанцев (Spaniards' Dispatch), остроумия датчан (Danes' Wit). *Ничто* – это оценка содержимого королевской казны (Princes' Coffers), ума правителей (Statemen's Brains), обещаний короля (Kings' Promises), верности сильных мира сего своим друзьям (The great Man's Gratitude to his best Friend), клятв женщин (Whores' vows). В итоге, миром правят *Ничто*, ничтожества и глупость:

*And Nothing there, like stately Nothing, reigns.
Nothing <...> reigns, dwell'st with Fools [Ibidem].*

Но финальный аккорд текста вновь звучит в философской тональности. Великие и нищие, мудрые и глупые, могущественные и угнетённые – всех ожидает смерть как возвращение в лоно *Великого Ничто*:

*The great Man's Gratitude to his best Friend,
Kings' Promises, Whores' vows, towards thee may bend,
How swiftly into thee, and in thee ever end [Ibidem].*

Значения слова «ничто», актуализируемые в разных стилистических регистрах, дополняют друг друга, соединяясь в смысловую мозаику. В этой языковой игре проявляется типичное для поэта-метафизика желание не только аналитически препарировать предмет мысли, но и показать его многоликую сущность.

4. Инструментом репрезентации *Ничто* выступают также **семантические связи с другими текстами культуры**. Читатель, даже при отсутствии прямого авторского указания на интертекстуальный контекст, отмечает, насколько сходны представления о сотворении мира у Вилмота и, например, в Книге Бытия или в эпической поэме Джона Мильтона «Потерянный рай». Речь об идее создания тварного мира из «священного сумеречного *Ничто*» (reverend dusky Nothing): постепенно оно становится «бесформенным и неясным нечто», потом «величественным чем-то» (the great united), которое, в свою очередь, когда-нибудь пройдёт и обратный путь, уйдя в неопределённость начальной пустоты (into thy boundless Self must undistinguish'd fall). Сравните у Джона Мильтона:

*In the Beginning how the Heav'ns and Earth
Rose out of Chaos <...>
What in me is dark
Illumine, what is low raise and support; <...>
Heav'n hides nothing from thy view [21, p. 5]... /
В начале начал, когда Небеса и Земля
Были воссозданы из Хаоса...
Освети, все что во мне темно, подними и поддержи,
Все что низко пало...
Небеса скрывают ничто от твоего взора.*

Несмотря на то, что интертекстовые связи здесь устанавливаются ассоциативно (и каждый читатель может расширять круг текстовых «источников»), отсылки к другим текстам позволяют «уточнять» или «подтверждать» представления о *Ничто* как исходной точке нашего мира и далее закреплять эти образы в культуре.

***Ничто* как эффект языковых игр поэта**

Ещё раз подчеркнём: онтологический вопрос о *Ничто* перемещается в сферы семиотики, стилистики и поэтики, поскольку представление об этой сущности возникает как результат языковой игры. Иконический образ абстракции, которым поэт «дополняет» метафизику, позволяет получить относительный доступ в сферу трансцендентного и вербально невыразимого. Визуализируя абстрактный предмет мысли, художник делает его конструктом культуры. В этом контексте отметим, что с художественной трактовкой *Ничто* в тексте Вилмота созвучны положения представителей философского нигилизма и даже физические концепции, говорящие о рождении универсума из начальной точки пустоты: чистого вакуума, ничто [20].

Процесс, в котором несуществующее обретает подобие плоти [9, с. 18], составляет сущность индивидуального художественного стиля. Вилмот «собирает» ненаблюдаемый референт, как мозаику. Сначала «абсолютное отсутствие» актуализируется в серии-парадигме имён: Ничто, Пустота, Тайна, Нечто. В предикации оно обретает характеристики. Из спектра возможных вариантов для создания «телесности» *Ничто* (визуализация формы, цвета, запаха, характера движения и др.) Вилмот выбирает социально-дискурсивный аспект. Его *Ничто* актуализировано как абстрактный «субъект», который обладает личностным измерением (чертами характера, спектром интересов, биографией, историей), который вписан (в качестве исходной точки) в эволюцию мира и социум («правит миром»). Интересно, что поэт приписывает абстрактному *Ничто* черты, свойственные далеко не рядовым личностям: его *Ничто* мыслит глобальными категориями. Подобно вождям и пророкам, у этого персонажа потенциал мыслительных возможностей соседствует с примитивизмом действий в жизненных ситуациях. *Ничто* жестоко, эгоцентрично в желании редуцировать мир до себя самого. Оно вездесуще, оно присутствует во всём, что составляет человеческую жизнь. И люди, и вещи – всё неизбежно исчезает, растворяясь в исходной Пустоте. Но и при жизни *Ничто* – оборотная сторона политики, речей философов, поступков друзей и женщин, обещаний правителей.

В связи с проблемой истинности интерпретаций неизбежен вопрос о степени полноты актуализации *Ничто* в тексте Вилмота. Насколько достоверен этот персонаж, какова степень его визуализации? С семиотической точки зрения, актуализация Ничто происходит в режиме **иконы-схемы**. Этому способствует характер приписанных к имени абстракции предикатных знаков. Уже отмечалось, что поэт или констатирует

существование *Ничто* в мире (That hadst a Being ere the World was made), или отмечает, что свойствами абстракции могут быть другие абстракции (Emptiness, Mystery), или говорит о ментальных и эмоциональных состояниях этого персонажа (not afraid). В итоге, создаются знаки для тех свойств, которые нельзя увидеть. А значит, способ существования *Ничто* остаётся неясным, неопределённым, схематичным: *Ничто* лишь общий атрибут всего существующего. Не случайно, что Вилмот вводит *Ничто* в пространство физической реальности, однако не может вступить с ним в непосредственный диалог. *Ничто* – его невидимый и молчаливый слушатель. Отсюда и жанр «послания»: «On Nothing». Присутствие этого слушателя, но не собеседника, подчёркнуто формами местоимений и глаголов второго лица (*thou, thee, thy, art, dwell'st, tak'st, didst, hadst*). В этой ситуации неизбежно, что «созерцание внешнего объекта, который не имеет видимой формы, естественно превращается в интроспекцию» [Там же, с. 36]. И у Вилмота, и у читателя обращение к *Ничто* предполагает анализ абстракции в режиме диалога с собственным «я», языком и культурой. В итоге художественная актуализация не в силах дать метафизическим абстракциям какую-либо окончательную определённую интерпретации, и *Ничто* видится нам «сквозь тусклое стекло, гадательно»¹.

Поэзия как «колоссальный ускоритель мышления»

Ничто входит в класс объектов с семантикой несуществования: *Небытие, Неприсутствие* и др. Проблемы их описания и языковой репрезентации интересуют не только философскую метафизику, логику, но и литературу. В этих интеллектуальных пространствах происходит в прямом смысле создание предельных объектов: только в языке и тексте абстракции получают свою явленность и вещьность. Но зачем человеку вещи, находящиеся на первый взгляд за пределами бытия? Возможно, он, как конечное существо, в мышлении о Небытии раздвигает границы своего конечного мира. Для этого необходимо онтологическое допущение: за границами физического существует иное, трансцендентное, которое «дополняет» нашу реальность.

Немаловажно, что в процессе отображения абстракций совершенствуются когнитивные возможности человека. Языковые игры в репрезентацию отрицательных объектов раздвигают границы мышления. Так, уже недостаточно сказать о предельных объектах из пустоты, вневременности и безместности: «Несуществование есть». Поэзия, создавая образ абстракции, работает как «колоссальный ускоритель мышления» [1, с. 555].

И ещё одно важное замечание. Визуализации метафизических абстракций возможны только в вербальном языке. В живописи и музыке можно создать *ощущение* небытия, но нельзя *назвать* небытие. А в отсутствие знака мы не можем запустить процессы интерпретации и познания.

Список литературы

1. Бродский И. Книга интервью. М.: Захаров, 2010. 784 с.
2. Декомб В. Современная французская философия / пер. с франц. М. М. Федоровой. М.: Весь мир, 2000. 344 с.
3. Красиков В. И. Предельные значения в философии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 302 с.
4. Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2009. 496 с.
5. Лем С. Философия случая. М.: Транзиткнига, 2005. 767 с.
6. Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
7. Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 118-143.
8. Фреге Г. Логические исследования / пер. с нем. В. Суровцева, И. Инишева. Томск: Водолей, 1997. 128 с.
9. Ямпольский М. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 688 с.
10. Bach E. 1986. Natural Language Metaphysics // Logic, Methodology, and Philosophy of Science / eds. R. B. Marcus, G. J. W. Dorn, P. Weingartner. Amsterdam et al.: North Holland, 1986. P. 573-595.
11. Bach E. Informal Lectures on Formal Semantics. Albany: SUNY Press, 1989. 203 p.
12. Baldwin T. There Might be Nothing // Analysis. 1996. № 56. P. 231-238.
13. Coffin Ch. M. John Donne and the New Philosophy. N. J.: Humanity Press, 1958. 205 p.
14. Cunningham C. A. Genealogy of Nihilism: Philosophies of Nothing and the Difference of Theology. London – N. Y.: Routledge, 2002. 315 p.
15. Dictionary of Philosophy. Edition 4th / ed. Dagobert D. Runes. N. Y.: Philosophical Library, 1942. 420 p.
16. Eco U. Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition. London: Vintage, 2000. 480 p.
17. Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy / ed. J. Protevi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. 619 p.
18. Geier M. Gra językowa filozofów: Od Parmenidesa do Wittgensteina. Warszawa: Fundacja Aletheia, 2000. 318 s.
19. Kolakowski L. Jeśli Boga nie ma. Horror metaphysicus. Poznań: Zysk, 1999. 289 s.
20. Krauss L. M. A Universe From Nothing. N. Y. – London: Atria Books, 2012. 240 p.
21. Milton J. Paradise Lost and Paradise Regained. N. Y.: New American Library, 2001. 360 p.
22. Miłosz Cz. Abecadło. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2010. 385 s.
23. Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1996. 422 p.
24. Pinto V. de Sola. Enthusiast in Wit: A Portrait of John Wilmot, Earl of Rochester 1647-1680. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1962. 238 p.
25. Pinto V. de Sola. The Restoration Court Poets: John Wilmot, Earl of Rochester; Charles Sackville, Earl of Dorset; Sir Charles Sedley; Sir George Etherege. London: Longmans, 1965. 250 p.
26. Priest G. Towards Non-Being: the Logic and Metaphysics of Intentionality. Oxford: Oxford University Press, 2005. 380 p.
27. White H. C. The Metaphysical Poets: a Study in Religious Experience. London: Collier, 1962. 414 p.
28. Wilcox R. Rochester's Philosophical Premises: a Case for Consistency // Eighteenth-Century Studies. 1974/75. № 8. P. 183-201.
29. Wilmot J. Upon Nothing // The Norton Anthology of English Literature / ed. St. Greenblatt. N. Y.: W. W. Norton & Company, Inc., 2006. P. 2171-2172.

¹ В названии своей книги М. Ямпольский воспроизводит слова апостола Павла: «Теперь же мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» [9].

ON DEFINITION OF NOTHING: JOHN WILMOT AND METAPHYSICS IN IMAGES

Brazgovskaya Elena Evgen'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kholmanskikh Yuliya Sergeevna
Perm State University of Humanities and Education
elen_braz@rambler.ru; yussl@yandex.ru

The article is devoted to the problems of the language representation of the metaphysical object –“Nothing”. It is shown why the question of such abstractions existence moves into the spheres of semiotics, stylistics and poetics: abstraction occurs as an effect of the poet’s language games. By the material of D. Wilmot’s text –“On Nothing” the methods and tools of –“Nothing” visualization are presented: localization using deictic and predicate symbols, intertextual allusions, stylistic registers game, etc. The iconic image of abstraction (icon-scheme), by which the poet –“supplements” metaphysics, allows getting relative access to the sphere of verbally inexpressible.

Key words and phrases: abstract object of metaphysics; representation; language games; iconism; visualization.

УДК 80: 821.161.1

Филологические науки

В статье обсуждаются особенности прагматики текстов деловой коммуникации в Интернете. Особое внимание уделяется свойству интерактивности. Рассматриваются характеристики коммуникации на разных этапах развития Сети: Web 1.0, Web 2.0 и Web 3.0. Анализируются проявления интерактивного характера интернет-коммуникации в материалах официальных сайтов и текстах деловой переписки. Классифицируются изменения оформления, правописания, жанровых характеристик, этикета, лексики и грамматики электронных деловых писем.

Ключевые слова и фразы: деловой дискурс; Интернет; деловая переписка; сайт; интерактивность.

Буторина Елена Петровна, к. филол. н., доцент
Российский государственный гуманитарный университет
ep_butorina@il-rggu.ru

**ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР
ДЕЛОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**[©]

Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

В лингвистической прагматике языковые явления рассматриваются с точки зрения использования языка как инструмента действия, меняющего социальную действительность. К задачам прагматики относятся, в частности, задачи построения моделей коммуникативного взаимодействия в изменяющихся социокультурных ситуациях [11]. Принято различать три направления в понимании прагматики: конверсационное (речеактовое), функциональное (риторико-стилистическое) и психолингвистическое, связанное с порождением и восприятием речи [7].

Для целей анализа делового взаимодействия в *Web*-среде обратимся к конверсационному подходу. «Конверсационный анализ начинается с вопроса о том, почему коммуникация, которая происходит между нами каждый день, не превращается в хаос, откуда люди знают, в какой момент начинается разговор и когда он заканчивается, и каким образом разговор получает продолжение. По мнению специалистов по этнометодологии, таких как Сакс, ответы на все эти вопросы позволят ответить на вопросы более масштабные – вопросы о том, благодаря чему продолжается социальная жизнь» [9, с. 182]. Особую роль в воспроизводстве социальной жизни Д. Матисон отводит динамической связи между участниками речевого взаимодействия, которая проявляется в текстах, порождаемых в ходе коммуникации. «Специалисты по конверсационному анализу насторожённо отнеслись к идее о существовании заранее определённых социальных моделей и структур, и вместо этого они решили заняться поиском социального порядка в последовательности разговоров. В отличие от специалистов по нарратологии, их не интересует когерентность целой структуры – их интересует связность (когезия), которая прослеживается от выражения к выражению» [Там же, с. 183]. Закономерно возникает вопрос и о единицах конверсационного анализа. «Участники демонстрируют друг другу своё понимание того, что делают они и другой человек. Поочерёдное участие в разговоре в смежных парах – это базовый тип социального связующего элемента» [Там же, с. 184]. Регулярная сменяемость ролей участников – одно из важных свойств социального взаимодействия в языковой коммуникации, изучаемой при помощи понятийного аппарата прагмалингвистики, которая исследует «определённое речевое действие при определённых условиях, направленное на адресата» [8, с. 33]. Значение отдельных реплик и микротекстов при этом формируется в процессе интеракции коммуникантов, то есть не всегда выводимо только из значений языковых единиц, употребляемых в отдельной реплике, но во многом определяется общей целью участников